

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАВОВЫЕ ДОГОВОРЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ» И НАУЧНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПРАВОВАЯ НАУКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ: ИНТЕНСИФИКАЦИЯ КАДРОВОГО, МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА»

© 2021 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Аннотация. 20–22 апреля 2021 г. в Российском государственном университете правосудия прошла XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики», и в ее рамках состоялся «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала».

Правовые договоры и правовые акты, к сожалению, весьма редко анализируются в специальной литературе. На конференции были озвучены некоторые спорные проблемы сравнительного анализа правовых договоров и правовых актов.

Развитие и формирование норм права в российском законодательстве тесно связано с деятельностью судебных органов. Участники мероприятия затронули такие вопросы, как правовые методы повышения эффективности судебной деятельности и др.

В рамках научного «круглого стола» было отмечено, что проблемы методологии научных исследований в области юридических наук традиционно входят в число малоизученных, но весьма актуальных проблем правоведения. В целях определения основных и действенных проблем методологии правовой науки целесообразно на базе какого-либо ведущего юридического вуза страны организовать с применением современных интернет-технологий постоянно действующий семинар по актуальным проблемам методологии правовых исследований с участием ведущих методологов правовой науки.

Было высказано мнение, что действенным средством интенсификации правовой науки может стать отказ от позитивистской доктрины права, господствующей в современной учебной и научной юридической литературе.

Обращено внимание также на то, что особую актуальность приобретает проблема подготовки научно-педагогических кадров. Лишь высокопрофессиональный, творческий коллектив российских правоведов способен устранить перекосы и несовершенства современной российской правовой науки.

На «круглом столе» рассматривались проблемы единства юридической науки; факторы, препятствующие освоению магистрантами курса «история и методология юридической науки», и пути их преодоления; методология исследования правового регулирования в современной юридической науке; использование социологического подхода к праву в правовой науке и другие вопросы.

Ключевые слова: конференция, «круглый стол», правовые акты, правовые договоры, правовая наука, социокультурный институт, интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала.

Цитирование: Кроткова Н.В. XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» и научный «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала» // Государство и право. 2021. № 9. С. 159–181.

DOI: 10.31857/S102694520016758-4

**XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
“LEGAL ACTS AND LEGAL CONTRACTS: PROBLEMS OF THEORY
AND PRACTICE” AND THE SCIENTIFIC OF THE “ROUND
TABLE” “LEGAL SCIENCE AS A SOCIO-CULTURAL INSTITUTE:
INTENSIFICATION OF HUMAN, METHODOLOGICAL
AND THEORETICAL POTENTIAL”**

© 2021 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 31.05.2021

Abstract. On April 20–22, 2021, the XV International scientific and practical conference “Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice” was held at the Russian State University of Justice, and the “Round Table” “Legal science as a socio-cultural institute: intensification of personnel, methodological and theoretical potential” was held within its framework.

Unfortunately, legal contracts and legal acts are very rarely analyzed in the specialized literature. At the conference, some controversial problems of comparative analysis of legal contracts and legal acts were voiced.

The development and formation of legal norms in Russian legislation is closely related to the activities of judicial bodies. The participants of the event touched upon such issues as legal methods for improving the efficiency of judicial activity, etc.

Within the framework of the scientific “Round Table”, it was noted that the problems of the methodology of scientific research in the field of legal sciences are traditionally among the little-studied, but very relevant problems of jurisprudence. In order to determine the main and effective problems of the methodology of legal science, it is advisable to organize a permanent seminar on topical problems of the methodology of legal research with the participation of leading methodologists of legal science on the basis of a leading law university of the country using modern Internet technologies.

The opinion was expressed that an effective means of intensifying legal science can be the rejection from the positivist doctrine of law that prevails in modern educational and scientific legal literature.

Attention is also drawn to the fact that the problem of training scientific and pedagogical personnel is becoming particularly relevant. Only a highly professional, creative team of Russian lawyers is able to eliminate the distortions and imperfections of modern Russian legal science.

The “Round Table” considered the problems of the unity of legal science; the factors that hinder the development of the course “history and methodology of legal science” by undergraduates, and ways to overcome them; the methodology of the study of legal regulation in modern legal science; the use of a sociological approach to law in legal science and other issues.

Key words: conference, “Round Table”, legal acts, legal contracts, legal science, socio-cultural institute, intensification of personnel, methodological and theoretical potential.

For citation: Krotkova, N. V. (2021). XV International scientific and practical conference “Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice” and the scientific of the “Round Table” “Legal science as a socio-cultural institute: intensification of human, methodological and theoretical potential” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 159–181.

В Российском государственном университете правосудия 20–22 апреля 2021 г. прошла XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики», и в ее рамках состоялся «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала».

В конференции и «круглом столе» приняли участие около 250 отечественных и зарубежных специалистов ведущих вузов и научных учреждений, а также практические работники.

Конференцию открыл В. В. Ершов, президент Российского государственного университета правосудия (РГУП), д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,

акад. РАЕН. *Правовые акты и правовые договоры: дискуссионные проблемы теории и практики*

Правовые договоры и правовые акты, к сожалению, весьма редко анализируются в специальной литературе. В то же время хотелось бы подчеркнуть, что, во-первых, правовые договоры и правовые акты — самостоятельные формы как национального, так и международного права. Во-вторых, первоначально становление права в мире происходило на основе соглашения лиц (*consensus*) в форме обычаев права и договоров, содержащих «правила общежития»¹ (в соответствии с современной терминологией общей теории права — «правовых договоров»). В-третьих, с появлением государства преобладающим источником права стали его управомоченные органы, а формой права — правовые акты². В-четвертых, к сожалению, если научные работники все-таки исследовали правовые договоры и правовые акты, то традиционно как «источники» права и преимущественно в их статическом состоянии. Вместе с тем более продуктивным представляется сравнительный анализ становления и развития правовых договоров и правовых актов. Как ни странно, лишь в незначительном числе научных работ сравнительному анализу правовых договоров и правовых актов уделено достойное место. Некоторые спорные проблемы сравнительного анализа правовых договоров и правовых актов и будут затронуты.

Прежде всего хотелось бы начать с анализа существующих терминов и понятий. Как известно, в российских кодексах и других федеральных законах применяются различные термины: «нормативные правовые договоры», «нормативные правовые акты» и «законодательство». Например, ст. 1 ГПК РФ называется: «Законодательство о гражданском судопроизводстве», а ст. 11, имеющая, по существу, аналогичное содержание, — «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел». Более того, термин «законодательство» используется как в «узком», так и в «широком» смыслах слова.

Так, в ст. 3 «Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права» ГПК РФ, согласно п. 2 которой «гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов», термин «законодательство» применен в «узком» смысле слова. В то же время в п. 2 ст. 5 «Жилищное законодательство» ЖК РФ указано, что «жилищное законодательство состоит

из настоящего Кодекса, принятых в соответствии с настоящим Кодексом других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления», термин «законодательство» применен уже в «широком» смысле слова.

В специальной юридической литературе также можно встретить различные и, на наш взгляд, спорные понятия: «нормативные правовые акты», «нормативные правовые договоры», «законодательство», «нормативное правопонимание» и «нормативный договор». Например, М.И. Байтин в своей фундаментальной монографии «Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков» применял, в частности, понятия: «нормативный характер права», «нормативное и широкое понимание права», «нормативный акт» и «система законодательства»³. Активно использовал термин «законодательство» и А.Ф. Черданцев⁴.

Вместе с тем в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ и в отдельных статьях некоторых кодексов содержится другой термин — «правовые акты». По нашему мнению, термин (понятие) «правовые акты» (и соответственно, «правовые договоры») теоретически более обоснован, а практически наиболее продуктивен, поскольку в данных формах как национального, так и международного права содержатся не только нормы права, но и принципы права. В этой связи представляется спорным вывод А.Ф. Черданцева, сделанный им в 2012 г.: «Норма права — первичный элемент права...»⁵. Более убедительной, полагаем, является позиция Ф. Бэкона: **принципы — «первичные и наиболее простые элементы, из которых образовалось все остальное»**⁶ (выделено мною. — В.Е.). Л.А. Тихомиров удивительно глубоко конкретизировал точку зрения английского философа: **«Должен же... чем-нибудь руководствоваться сам законодатель, давая или не давая личности права или определяя какие-либо действия, как ее обязанность»**⁷ (выделено мною. — В.Е.).

³ Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд., доп. М., 2005.

⁴ См.: Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2000. С. 188.

⁵ Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 38.

⁶ Бэкон Ф. О принципах и началах. М., 1937. С. 22.

⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 569.

¹ Тарановский Ф.В. Учение о естественном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 3. С. 1–16; Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 91–413.

² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 332–381.

При таком общенаучном подходе, по нашему мнению, теоретически более аргументированно, а практически продуктивно принципы права относить к первичным регуляторам правоотношений, имеющим более высокую юридическую силу по сравнению с нормами права, а не к «идеям», «началам», «положениям», «общей мысли, направленной законодателем сознательно или бессознательно в целый ряд юридических норм»⁸ и т.д.

6 мая 1946 г. Н.Г. Александров выступил с докладом на научной сессии Московского государственного юридического института на тему «Юридическая норма и правоотношение», в котором, на наш взгляд, сформулировал убедительную точку зрения: «Социальные нормы являются прежде всего суждениями о том, какой вариант поведения человека в отношении других людей представляется должным вариантом или по крайней мере одобряемым возможным вариантом..., индивидуальные суждения о нормальном и ненормальном поведении сами по себе не могут стать социальными нормами. Для того, чтобы суждение о должном и допустимом поведении стало социальной нормой, оно **должно выражать сознание и волю... общественного коллектива...**»⁹ (выделено мною. — В.Е.).

В другой своей работе «К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений» Н.Г. Александров, как представляется, аргументированно подчеркивал: «Соглашение (consensus) народа римские юристы... были склонны считать **универсальным правообразующим фактором**»¹⁰ (выделено мною. — В.Е.). Весьма характерно, что «они сводили к договору и закон, и обычное право»¹¹ (выделено мною. — В.Е.). По Н.Г. Александрову, «правовой обычай отличали от закона тем, что он устанавливался **молчаливым соглашением народа** (в соответствии с современной терминологией общей теории права — источником обычаев права является соглашение лиц). Поэтому, например, Юлиан полагал, что законы могут быть отменены

не только законодательной властью, но и по молчаливому соглашению всех. Представление о договоре как об источнике закона сложилось... первоначально на почве форм законотворческой деятельности, свойственных республиканскому периоду древнего рабовладельческого государства... В императорский период римского рабовладельческого государства идея договорного происхождения правовых норм могла иметь значение лишь метафорического конструктивного принципа, лишенного какой-либо реальной почвы даже в применении к закону, а не только к правовому обычаю...»¹².

В то же время в соответствии с современной общей теорией права соглашение (consensus) «всех» прежде всего может быть источником обычаев права и правовых договоров. Источником же правовых актов является деятельность уполномоченных правотворческих органов, а не «молчаливое соглашение всех». Кроме того, обычаи права и правовые договоры как национального, так и международного права, полагаем, более аргументированно относить к различным формам права, имеющим несопадающие источники.

Однако Н.Г. Александров в своем докладе, на наш взгляд, с позиции юридического позитивизма дискуссионно выделил три вида социальных норм: обычаи, нормы морали и юридические нормы. «Первый вид составят такие социальные нормы, которые соблюдаются людьми в силу привычки. <...>. Это обычаи. <...>. Второй вид социальных норм составят такие нормы, которые исполняются в силу их соответствия тому, что общественное мнение считает справедливостью, делом чести и т.д. Соблюдение таких норм поддерживается силой общественного мнения. Это — нормы морали. <...>. Наконец, третий вид социальных норм составят юридические нормы, специфическая особенность которых состоит в том, что соблюдение их поддерживается принудительной силой государства»¹³.

Тем не менее согласно современной общей теории права, по нашему мнению, во-первых, обычаи права, действительно являющиеся одним из видов социальных норм, теоретически точнее относить к одной из форм национального или международного права. В этой связи обычаи права соблюдаются людьми не в силу привычки, а как и другие формы права, в силу их обязательности и возможного принудительного исполнения. Во-вторых, нормы морали как разновидность неправа поддерживаются только соглашением лиц, а не

⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 15; Александров Н.Г. Социалистические принципы советского права // Сов. государство и право. 1957. № 11. С. 17; Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Сов. государство и право. 1970. № 6. С. 21; Алексеев С.С. Проблемы теории права. Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102.

⁹ Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 5, 6. Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на научной сессии института 6 мая 1946 г. / под ред. И.Т. Голякова.

¹⁰ Александров Н. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки ВЮИОН. М., 1946. Вып. 6. С. 61.

¹¹ Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 180, 186.

¹² Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений. С. 61, 62.

¹³ Александров Н.Г. Юридическая норма и правоотношение. С. 7.

государственным принуждением. В-третьих, не «юридические нормы», а нормы права теоретически обосновано относить к одному из возможных регуляторов правоотношений (кроме принципов права), содержащихся в формах как национально-го, так и международного права.

С позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания право характеризуется синтезом только онтологически однородных социальных явлений — принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве. При таком теоретическом подходе принципы и нормы права прежде всего содержатся в национальных правовых актах, правовых договорах и обычаях права, а также в международных договорах и обычаях права¹⁴.

В заключение хотелось бы высказать предположение: как и на этапе становления права, так и, надеемся, в будущем правовое регулирование правоотношений будет преимущественно осуществляться посредством принципов и норм права, содержащихся в правовых договорах и обычаях права, основанных на «соглашении народа», лиц, проживающих на конкретной территории.

Ниже приведены доклады и выступления участников конференции.

П.А. Гук, профессор кафедры правосудия Пензенского государственного университета, д-р юрид. наук

Развитие и формирование норм права в российском законодательстве тесно связано с деятельностью судебных органов, которые придают жизнеспособность нормативным актам своими решениями, а в некоторых случаях дополняют и восполняют недостающие нормы права судебными правовыми позициями. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев на подведении итогов работы судов за 2020 г. 9 февраля 2021 г. отметил, что в 2020 г. сформировано 800 правовых позиций, закрепленных в Пленумах и Обзорах. С 2014 г. принято 35 постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих 2 тыс. правовых позиций, которые реализуются судами как общей, так и арбитражной юрисдикции. Такой объем судебной правовой материи имеет практическое применение в судопроизводстве, а возможность продуктивного использования правовых позиций в законотворческой деятельности остается под вопросом. Имплементация правовых позиций Верховного Суда РФ в законодательство практически отсутствует, отдельные законопроекты Верховного Суда редко содержат сформулированные правовые позиции

¹⁴ См. подр.: *Еришов В.В.* Регулирование правоотношений. М., 2020.

и носят точечный характер законодательной инициативы по тем или иным проблемным вопросам судебной деятельности. Научное обоснование имплементации судебных правовых позиций в законодательство мог бы обеспечивать отдел законодательной инициативы Верховного Суда РФ, создание которого возможно в Российском государственном университете правосудия. Сотрудники отдела могли бы заниматься научной, преподавательской и экспертно-аналитической деятельностью, готовить соответствующие справки, заключения о правовых позициях для имплементации их в законодательство (в той или иной отрасли права), что повысит законодательный потенциал высшего судебного органа, объединит научные и практические разработки о правовых позициях, направленные на совершенствование российского законодательства.

Е.М. Шайхутдинов, председатель Арбитражного суда Челябинской области, канд. юрид. наук. *Некоторые проблемы неопределенности права на примере института банкротства граждан*

Категории определенности и неопределенности права давно привлекают пристальное внимание юридической науки, в т.ч. в контексте проблемы эффективности правового регулирования. В современной экономической ситуации, в условиях длительного экономического кризиса, обнищания населения огромное значение приобретает кризисные правовые механизмы, направленные, в частности, на возврат субъектов экономической деятельности в сферу легального гражданского оборота. Примером такого механизма является институт банкротства физических лиц как в его более традиционном судебном варианте, так и в виде внесудебного банкротства граждан. Востребованность данного института подтверждается статистическими данными Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в частности, количество решений судов о банкротстве граждан, включая индивидуальных предпринимателей, в 2020 г. составило 119 049 шт., что на 72.6% больше, чем в 2019 г. К сожалению, почти 20-летняя отсрочка не привела к возникновению достаточной степени определенности права в названной сфере общественных отношений, в связи с чем видится ряд проблем: во-первых, это отсутствие какого-либо внятного механизма выбора финансового управляющего, участие которого в процедуре банкротства гражданина является обязательным в силу п. 1 ст. 213.9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве). Вторая проблема неопределенности права применительно к институту банкротства граждан связана с оценочным характером оснований закрепленной в п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве возможности

отказа в освобождении гражданина от неисполненных им обязательств после завершения процедуры банкротства.

Результат приведенной неопределенности – крайне редкое использование данного механизма. Например, в практике Арбитражного суда Челябинской области случаи неосвобождения граждан-банкротов от неисполненных обязательств единичны: в 2018 г. из 782 случаев признания гражданина банкротом правила об освобождении должника от долгов не были применены только в 19 делах (2.5%); в 2019 г. из 1278 дел – в 23 случаях (1.8%), в 2020 г. из 2131 дела – в 40 случаях (1.9%).

А. В. Аверин, профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), д-р юрид. наук

Высокая социальная ценность и значимость таких явлений, как право и правосудие, не вызывает сомнений, – это, пожалуй, единственное утверждение, не порождающее споров и дискуссий в научной среде. О сущности права и правосудия, их внешних проявлениях, способах реализации права в процессе судебного применения единого мнения нет, при этом есть все основания полагать, что и не будет. Тем не менее потребность в существовании общепринятых и общепризнанных базовых, фундаментальных отправных позиций вызвана социальной практикой. Одним из насущных вопросов на современном этапе судебной реформы в России является вопрос о том, как сформировать правосознание судейского сообщества таким образом, чтобы правосудие позиционировалось (воспринималось, понималось и т.п.) в качестве применения права (содержания), а не как применение закона (формы), что далеко не одно и то же.

Понимая сложность сформулированной задачи, которая (сложность) вызвана не столько многоголосицей научного мира по заявленной проблеме, сколько явно недостаточным теоретическим уровнем правосознания судейского сообщества (в целом), на первом этапе движения к указанной цели считаем необходимым обязать судей в судебных актах любого качества и уровня исключить термин «применение закона», а использовать термин «применение права».

А. Н. Чертков, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета, д-р юрид. наук. Конституция как особый вид правового акта и как форма «общественного договора»

По форме конституция является видом правового акта, имеющего высшую юридическую силу

и прямое действие. Общественный договор есть не только и не столько правовой, сколько социально-политический феномен. При этом существует он в общественном сознании, но не в ряду юридических документов.

Проблемой отечественных конституций было несовпадение фактической и юридической их сторон: советские конституции были юридически проработанными, подробными документами, весьма передовыми и прогрессивными по содержанию для своего времени. При этом их нормы не применялись непосредственно, а управленческая практика выстраивалась зачастую вопреки конституционным нормам. Основным противоречием современного российского конституционно-правового пространства видится либеральная трактовка прав человека в Конституции РФ, несколько сглаженной реформой 2020 г. и патерналистскими настроениями в обществе, на которые власти реагируют на практике. При этом, к сожалению, институциональных конституционных предпосылок для преодоления разрыва между либеральными нормами Конституции и патерналистскими основами общественного сознания не создано, хотя реформа 2020 г. могла бы их создать. Прежде всего путем включения главы (или хотя бы статьи) о гражданском обществе как подсистеме публичной власти в текст Конституции РФ. Кроме того, важно развернуть «социальные» поправки в законодательстве в части увеличения размера прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, установления минимальных размеров ежегодных индексаций пенсий, пособий и прочих выплат. С позиций возвращения общественного договора в отношения власти и общества целесообразно и снижение пенсионного возраста (или хотя бы конституционное закрепление текущего, чтобы не было соблазна к его дальнейшему повышению).

Р. С. Абдулин, зав. кафедрой уголовного права Курганского государственного университета, д-р юрид. наук, доц., заслуженный юрист РФ. Правовые методы повышения эффективности судебной деятельности

Решение многих проблем повышения эффективности судебной деятельности лежит в плоскости внутренней деятельности самого судейского сообщества: отбор достойных кандидатов на должности судей и их подготовка; строгий, но без умаления независимости и самостоятельности судей контроль за их деятельностью как при исполнении своих обязанностей по отправлению правосудия, так и вне; систематическая ротация руководителей судов всех уровней; спрос за любые нарушения вплоть до прекращения судейских полномочий лиц, дискредитирующих судебную власть. Для этого достаточно внутренних методов правового

регулирования данного процесса. Однако в отдельных случаях для повышения эффективности судебной деятельности судебное сообщество должно находить понимание и у государства.

В.Ю. Панченко, начальник Правового управления ФСИН России, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, д-р юрид. наук. «Пилотные» постановления Европейского Суда по правам человека, российское право и его применение

В соответствии с п. 1 ч. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) государства – члены Совета Европы обязаны исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека по делам, в которых они являются сторонами. Исполнение постановлений ЕСПЧ выражается в необходимости принимать т.н. меры индивидуального характера и меры общего характера. Основное значение мер общего характера состоит в том, чтобы исключить вероятность повторения подобных ситуаций, при которых права и свободы человека нарушаются. При этом способы реализации мер общего характера оставляются на усмотрение государства.

Процедура вынесения ЕСПЧ «пилотного» постановления установлена п. 61 Регламента ЕСПЧ (введена 21.02.2011 г.). В «пилотном» постановлении Суд определяет природу установленной им структурной или системной проблемы или иного ненадлежащего функционирования, а также вид мер общего характера, которые следует принять на национальном уровне в силу резолютивной части постановления. Таким образом, процедура «пилотного» постановления выступает в качестве одного из средств воздействия на непринятие общих мер государством-ответчиком в нарушение ст. 46 Конвенции.

Особо следует остановиться на роли «пилотных» постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации и касающихся деятельности уголовно-исполнительной системы. В частности, в «пилотном» постановлении ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие против России» установлено нарушение властями Российской Федерации ст. 3 («ненадлежащие условия содержания») и ст. 13 («отсутствие эффективных средств правовой защиты») Конвенции в отношении двух заявителей, а также наличие в Российской Федерации структурной проблемы бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания в следственных изоляторах и отсутствие эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

В ходе состоявшихся в июне 2017 и 2019 гг. в Страсбурге 1288-го и 1348-го заседаний Комитета Министров Совета Европы с положительной

стороны отмечены предпринятые и запланированные властями Российской Федерации меры, в т.ч. по реализации федеральных целевых программ, созданию новых и совершенствованию существующих внутригосударственных средств правовой защиты, обеспечению взвешенного подхода к избранию и продлению меры пресечения в виде заключения под стражу, улучшению условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В рамках установленных полномочий ФСИН России принимает участие в реализации общих мер по устранению нарушений Конвенции, отмеченных в «пилотных» постановлениях Европейского Суда по правам человека. Предписания ЕСПЧ, изложенные в «пилотных» постановлениях, в целом задают вектор развития уголовно-исполнительной системы, в т.ч. в работе по имплементации международных стандартов в законодательство Российской Федерации. Работа по исполнению изложенных в «пилотных» постановлениях Европейского Суда по правам человека рекомендаций прямо влияет на международный имидж России как государства, способного обеспечить на своей территории выполнение международных обязательств по обращению с лицами, содержащимися в местах лишения свободы.

* * *

«Круглый стол», состоявшийся в рамках конференции, открыл и вел **В.М. Сырых, главный научный сотрудник, руководитель направления теории и истории права и судебной власти РГУП, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ**

Лучшим способом отметить Год науки, как и ее юбилей, традиционно считается анализ ее достижений и определение путей развития как минимум в таких ведущих сферах, как методология, теория и подготовка научно-педагогических кадров.

Проблемы методологии научных исследований в области юридических наук традиционно входят в число малоизученных, но весьма актуальных проблем правоведения. В настоящее время бум публикаций по методологическим проблемам правовой науки, по нашему мнению, заметно угас. Однако больших успехов в этом направлении пока что нет. Попытки исследований проблем применения методов герменевтики, синергетики, феноменологии, аксиологии, антропологии и других приемов субъективного идеализма в познании государства и права не привели к ожидаемым результатам. Юристы остались верны своим методологическим основам, представленным догматическим методом анализа действующего законодательства и правоприменительных актов, методом сравнительного правоведения и историко-правовым методом.

В то же время российскими правоведами полностью утрачен интерес к социально-правовым исследованиям, за исключением, может быть, криминологов и специалистов в области уголовного права, а диалектический метод выведен из числа ведущих, основополагающих методов познания государства и права. Обсуждение проблем методологии правовой науки на конференциях¹⁵ не дает нужной эффективности вследствие дефицита времени, большой аудитории, не располагающей к длительным дискуссиям. Поэтому в целях определения основных и действенных проблем методологии правовой науки целесообразно на базе какого-либо ведущего юридического вуза страны организовать с применением современных интернет-технологий постоянно действующий семинар по актуальным проблемам методологии правовых исследований с участием ведущих методологов правовой науки.

Действенным средством интенсификации правовой науки, на наш взгляд, может стать отказ от позитивистской доктрины права, господствующей в современной учебной и научной юридической литературе. За почти 200-летний период своей деятельности позитивистская доктрина права хотя и определилась с сущностью права, но так и не сумела достоверно обосновать свое концептуальное видение этой сущности и даже аргументированно ответить на упреки Л.И. Петражицкого более чем столетней давности.

Не имея научно обоснованных представлений о сущностных признаках права, адепты позитивистской доктрины извратили реальный процесс действия права, поставив все с ног на голову, вопреки доказанным историческим фактам и современной юридической практике. В числе наиболее значимых ошибок и заблуждений позитивистской доктрины можно выделить: 1) отождествление права и закона; 2) непонимание объективных оснований права как формы экономических отношений, механизма этой связи и неуклюжие попытки современных российских правоведов обосновать самодостаточность права и правомерности его изучения вне связей с экономикой; 3) упрощение и сведение диалектически противоречивого процесса правового регулирования к стадии правотворчества; 4) ограничение всестороннего и репрезентативного изучения действия права с учетом конкретно-исторических условий его действия анализом действующего законодательства и судебной практики.

¹⁵ См., напр.: Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

Позитивизм, желая придать своим ригористическим представлениям о сути позитивного права и его недостатках современный демократический вид, решился на крайнюю меру. На вооружение была принята идея правового государства. Тем самым позитивистская доктрина признала поражение в споре со своим постоянным оппонентом в лице теории естественного права и добровольно перешла на его позиции. Ведущий принцип теории естественного права и, соответственно, правового государства, как известно, — примат права перед законом. Закон является правовым постольку, поскольку он соответствует праву. С позиций позитивистской доктрины, не знающей иного права, кроме государственного, законодательного, право, существующее вне закона, — это вообще нонсенс, то, с чем позитивисты боролись всю свою сознательную жизнь.

В то же время практика упорно не желает действовать по канонам правового государства; принимаемые законы по-прежнему далеки от совершенства в части как соответствия требованиям законодательной техники, так и точности отражения сути и содержания закрепляемых общественных отношений. Законность нарушается не только неосознательными гражданами, незнающими основ позитивистской доктрины о необходимости строжайшего соблюдения даже устаревших, вредоносных законов, но и представителями государственных органов, призванных выявлять и сурового карать правонарушителей.

Существенным упущением позитивистской доктрины является чрезмерно широкая трактовка общественных отношений как предмета правового регулирования. По признанию П.П. Серкова, правоотношение чаще всего понимается как общественное отношение, урегулированное нормами права¹⁶. Однако вопрос о том, какая конкретно часть общественных отношений выступает в качестве объективной основы правоотношения, остается неисследованным, скорее всего по мотивам его незначительности в глазах позитивистов. На самом деле этот вопрос фундаментальный, поскольку определяет сферу перехода социального в правовое и, к сожалению, решается некорректно.

Согласно позитивистской доктрине объективным основанием права выступает все общественное отношение, в единстве его содержания и формы. На самом деле в этом качестве выступает только правовая форма, взаимосвязь участников общественного отношения, а его содержание остается за пределами права, поскольку представляет собой предметно-практическую деятельность.

¹⁶ См.: Серков П.П. Правоотношение. Теория и практика современного правового регулирования. М., 2018. С. 53.

Последняя же, как известно, осуществляется соответственно техническим правилам, требованиям, стандартам.

Несостоятельным является представление позитивистов о том, что общественное отношение есть основание в т.ч. и норм публичного права. Однако общественных отношений, которые предшествовали бы действию норм публичного права, в реальной жизни не существует. Они возникают после того, как компетентный орган примет соответствующий нормативный правовой акт. Непосредственным объективным основанием норм публичного права в данном случае выступает *деятельность государства, его органов, общества и личности*. Регулятивная роль таких норм, соответственно, видится не в отражении реально существующего общественного отношения, как это имеет место в частном праве, а в конструировании конкретной модели публичного правового отношения и признании этого варианта общеобязательным и единственно возможным. Получается, что норма публичного права выступает не просто регулятором публичных правоотношений, а их демиургом, создателем.

Позитивистская доктрина заметно упрощает диалектически противоречивый процесс воплощения права в конкретных правоотношениях, сводит его к единственной стадии правотворчества. Правоприменение и реализация выступают в роли вспомогательных стадий, не способных к созданию, формированию новых, оригинальных норм права. Более того, позитивисты удаляют стадию индивидуального права, связанную с уяснением заинтересованными лицами законов, норм права и определением путей их реализации в конкретных правоотношениях в целях удовлетворения личных потребностей.

Таким образом, упрощенный подход позитивистской доктрины к процессам и механизмам действия права порождает ряд неточных, мифологических представлений, препятствующих дальнейшему развитию доктрины, ее возвышению на уровень теории права, способной не только познать закономерный ход развития права, но и предсказывать его будущее. Позитивистская доктрина заметными успехами в познании правовых закономерностей похвастаться не может, ее научный багаж не выходит за пределы систематизации и описания практики действия ранее существовавших и ныне действующих правовых систем. В состоянии «чахоточной девы» доктрина будет существовать и далее до тех пор, пока не найдет в себе сил и воли покончить с атавизмами доктрины, идущими от глубокой старины, а ее славные адепты не сформируют у себя умения и знания диалектико-материалистического анализа, обеспечивающего познание закономерностей права.

В свете изложенного особую актуальность приобретает проблема подготовки научно-педагогических кадров. Лишь высокопрофессиональный, творческий коллектив правоведов способен устранить перекосы и несовершенства современной российской правовой науки. Восстановление прежнего порядка подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру в прежнем, академическом виде представляется разумным и обоснованным. Предстоит решительным образом реформировать порядок защиты кандидатских и докторских диссертаций, ликвидировать ныне существующую несправедливость, когда соискатели одной части вузов имеют возможность защищаться по упрощенному, «щадящему» варианту, без утверждения ВАКом, тогда как соискатели ученых степеней юридических вузов Сибири и Дальнего Востока, не имеющих диссертационных советов по юридическим наукам, годами не могут защитить подготовленные ими диссертационные работы. Видимо, необходимо, пересмотреть и основания присуждения ученого звания профессора. Критерий «наличия трех защищенных кандидатов» является искусственным, надуманным, приведшим к тому, что в настоящее время квалифицированные преподаватели, имеющие ученую степень д-ра юрид. наук, лишены возможности получить заслуженное ими долголетним и высококвалифицированным, самоотверженным трудом звание профессора.

Ниже приведены доклады и выступления участников «круглого стола».

В.Н. Корнев, проректор по научной работе РГУП, зав. кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука, д-р юрид. наук, проф. *Правовая концептуализация как функция юридической догматики*

Исследование соотношения права и языка не ограничивается раскрытием коммуникативной функции, значения и техники интерпретации юридического текста. В дополнение к этому следует отнести комплекс таких сложнейших, тесно переплетающихся между собой языковых, теоретико-познавательных, теоретико-правовых проблем, касающихся *связи языка и отражающейся в юридических текстах и понятиях реальной действительности*. Для выяснения этой проблемы вполне обоснованным будет вовлечение в контекст наших рассуждений таких герменевтических терминов, как «*означающее*» и «*означающее*». Термины «*означающее*» и «*означающее*» можно отнести к языковому уровню текста. «Таким образом, — пишет У. Эко, — означающее все более и более предстает перед нами как смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством

значений и созначений...»¹⁷. Применительно к юридическому тексту *означающим* будет словесная формулировка нормы или принципа права, т.е. нормативное правовое предписание.

Согласно общему правилу семиологии *означаемое* — это словесное выражение образа вещи, рождающегося в уме. В отличие от означивания реальных объектов, на которые, как отмечает У. Эко, можно указать пальцем как на какую-либо вещь (стол, собака и т.д.), в юридическом языке содержатся такие слова — для того, чтобы понять их значение, не знаешь, на что указать. В контексте этих рассуждений важное значение для понимания связи, существующей между языком и правом, имеет следующий афоризм Л. Витгенштейна, который содержится в «Логико-философском трактате»: «Что может быть показано, о том не следует говорить»¹⁸. Соответственно, о том, что не может быть показано, напротив, следует говорить.

Действительно, невозможно указать на те реальные объекты, какие выражаются такими словами, как «красота», «добро», «зло», «право», «правовая норма», «субъективное право», «юридическая обязанность» и т.д. Отсюда надо знать, что особенность языка права состоит в том, что правовые понятия, правовые представления не имеют подобия в реальном мире, поэтому их невозможно представить помимо языка. Они существуют исключительно в языке и посредством языка. Это придает им объективный характер. «Мы можем провести разделение между физическими и логическими объектами. <...>. Первые — реальны в точном смысле слова, последние — нет, но они не менее объективны. Хотя они не могут воздействовать на чувства, они могут быть схвачены посредством наших логических способностей», — писал Г. Фреге¹⁹.

Юридическая догматика основана на опыте практического разрешения конкретных жизненных ситуаций. Она имеет важное значение для практики применения права. Догматика не свободна от ценностей и оценок: она базируется на фундаментальных мировоззренческих ценностях, закрепленных и выраженных в нормах объективного права. В юридической науке различают следующие функции догматики: концептуализацию, упорядочивание, систематизацию, стабилизацию отношений и т.д. Юридическая догматика вырабатывает основные правовые понятия: правоотношение, субъект права, юридическая обязанность и проч.

Анализ основных понятий и категорий ведется на основе норм права и носит формально-юридический характер. Таким образом, под концептуализацией следует прежде всего понимать такую тенденцию, которая в общей рефлексии относительно права делает акцент на интеллектуальные конструкции, тем самым ограничивая взгляды и наблюдения относительно права, не пытаясь познать его эмпирически. Определение понятия считается в различных версиях методологии наук своеобразным финалом анализа значения термина, позволяющим ввести понятие в данную научную дисциплину. Из выбранных таким образом понятий выстраивается категориально-понятийный строй данной науки, очерчиваются их связи в ее суждениях. Можно с уверенностью утверждать, что совокупность суждений данной науки есть результат научной теории (теории науки). Понятия представляют собой необходимый инструмент в строительстве науки в традиционном смысле слова. Можно утверждать, что концептуализация для разных форм познавательной деятельности означает процесс структурирования научного знания, в т.ч. науки о праве и государстве.

Концептуализация научного знания о праве выражается в таких концептуалистских правовых догмах, как юриспруденция понятий (*Begriffsjurisprudenz*), юриспруденция интересов (*Interessenjurisprudenz*), аналитическая юриспруденция и др., которые представляют исторические примеры различных интерпретаций процесса смены парадигм в юридической науке²⁰. Кроме того, примером концептуализма в юридической науке, оказавшим сильное влияние на англосаксонскую юриспруденцию, является понятийный анализ права, данный У.Н. Хохфельдом²¹.

Теорию права в рассмотренном аспекте называют также догматикой или аналитической юриспруденцией. Догматика — юридическая область познания. Это своего рода юридическая техника, правовая логика. Значение юридической догматики велико. В то же время очевидна ограниченность аналитической (догматической) юриспруденции, ибо она обходит сущностные проблемы права, его реального функционирования. Методы познания, применяемые в рамках юридической догматики, на это не рассчитаны. Юридическая догматика — это «сокровищница» практического опыта решения конкретных юридических проблем. Юридическая догматика покоится на основных ценностях,

¹⁷ Эко У. Ответствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А. Погоняйло. М., 2006. С. 72.

¹⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с англ. Л. Добросельского. М., 2010. С. 62.

¹⁹ Цит. по: Концептуализация и смысл: сб. науч. тр. / отв. ред. И.В. Поляков. Новосибирск, 1990. С. 26.

²⁰ См.: Aarnio A. Paradigms in Legal Dogmatics // Theory of Legal Science. Proceedings of the Conference on Legal Theory and Philosophy of Science. Lund, Sweden, December 11–14, 1983. Dordrecht, 1983. P. 25–38.

²¹ См.: Hohfeld W.N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale, 1964.

определяющих всякий конкретный правопорядок. Основная цель юридической догматики — выработка специфической юридической терминологии, в этом состоит один из признаков ее научности.

О.Ю. Рыбаков, зав. кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. *Философия права: от истории к современности*

Соединение в одном гносеологическом векторе философии и юридической науки исторически сформировало направление исследований и постижения бытия права, его назначения в связи со смыслом, целеполаганием жизни человека, трансформацией права как явления, воспроизводимого усилиями человеческого сообщества, — философию права.

Существует ли какая-либо исторически сложившаяся проблема, служащая разобщению юридического и философского знания? Вариант ответа мы находим в размышлениях более чем столетней давности у известного русского ученого-правоведа Г.Ф. Шершеневича: «На философию права оказало одно постороннее, но немаловажное обстоятельство, — это историческое разобщение между философией права и правоведением. Философы создавали идеальное право, не зная, что оно такое и каково оно в действительности. Эта разобщенность продолжается...»²². Понимание Г.Ф. Шершеневича, как представляется, отражает главную гносеологическую проблему философии права, которое можно распространить и на современное состояние взаимодействия философии права и отраслевого юридического знания.

Философское осмысление имеет результативность в том случае, если оно основано на изучении как универсальных характеристик права, права как явления социокультурной жизни, так и конкретики правотворчества, правоприменения, его связи с экономикой, политикой, его взаимодействием с нравственностью. Философия в отрыве от действительности предстает совокупностью устойчивых консервативных умозрительных представлений. Право, по сути, начинается там, где оно выполняет не только универсально необходимые функции обеспечения законности, правопорядка, создания правил поведения, являющихся обязательными для взаимодействия субъектов и поддержания, воспроизводства отношений должностования, взаимного корреспондирования прав и обязанностей. Право начинается там, где появляется социокультурная возможность апеллирования

индивида к свободе, справедливости, формальному юридическому равенству.

Философия права представляет сферу познания и значения права для жизни социума и отдельного человека. Для этого философия права обязана отражать всю совокупность и многоаспектность правовой реальности, формируемой самим человеком как существом родовым на тех началах ценностного, мировоззренческого порядка, которые он избрал для себя на данном историческом этапе своего развития. Отношение к праву как необходимому институту организации социальной жизни определяется свойствами самого права как универсально-общезначимого инструмента организации жизни людей на основе нормативности.

Философия права не реализуема вне мировоззренческих оснований. Минимальная структура философии права включает онтологию, методологию, гносеологию, герменевтику, аксиологию, праксеологию права²³. В рамках философии, обращенной к праву, изучается государство, его онтологические, ценностные, теологические деятельностные основы.

Любое учение о праве имеет своим основанием соответствующую систему философских воззрений. Значение философии права выражено не только на концептуально-теоретическом уровне, но и на уровне юридической практики, деятельности. В зависимости от избранного конкретным обществом понимания права происходит его реализация, а философия объясняет значение данного понимания и тем самым способствует практическому внедрению права в жизнь людей.

Право по своей природе есть практическое явление, имеющее значение для индивида и социума. Признавая философско-правовой плюрализм, его неизбежность в силу сложившейся гносеологической организации познания права с его множественными подходами и акцентами, можно констатировать явно выраженный практический характер права. Поэтому утилитарные, рационалистические концепции занимали и в обозримом будущем будут занимать значительное место в общем суммированном познании права.

С учетом развития научно-технологической сферы, совершенствования цифровых технологий, искусственного интеллекта необходимо изучать возможное изменение роли права в этих условиях. Философское осмысление рисков в праве, значение права в минимизации возможных негативных социальных последствий научно-технологических трансформаций предстает необходимой задачей современной философии права.

²² Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 9.

²³ См.: Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021. С. 6.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, д-р филос. наук. Проблема единства юридической науки

В последние годы, когда в образовательном процессе появился курс «История и методология юридической науки», вопрос о специфике юридической науки приобрел широкий интерес. Кроме того, сам процесс трансформации отечественной юридической науки от советской (марксистской) к постсоветской потребовал пересмотра самих основ юриспруденции как отрасли знания. Издано довольно много научной и учебной литературы, посвященной особенностям юридической науки. Поскольку история и теория науки — тема методологическая и философская, дискуссия о юридической науке естественным образом приобретает философский характер. Действительно, теория юридической науки — разновидность философии науки и эпистемологии. В первой трети XX в., когда эпистемология зарождалась в форме неопозитивизма (логического позитивизма), речь шла главным образом о естественной науке и математике, обществознание оставалось на дальней периферии исследовательского интереса. Более того, логический позитивизм ставил перед собой цель развенчать метафизику, поскольку последняя, с точки зрения ее представителей (Р. Карнап, Л. Витгенштейн), бездоказательна, а значит, бессмысленна.

Характерной особенностью наших современных авторов, пишущих о юридической науке, является тот факт, что они пытаются рассматривать юридическую науку как некий единый феномен, как отрасль знания высокого уровня гомогенности. Приводятся ссылки на классиков философии науки и эпистемологии, подавая дело так, будто юридическая наука — то же естествознание, имеет общие с ним свойства. Когда читаешь эти тексты, видишь желание авторов подняться до уровня классиков, встроить юридическую науку в широкий философский контекст. Выглядит все наукообразно, респектабельно и красиво, нет только одного — истины. Если в этих текстах вместо термина «юридическая наука» поставить название любой другой науки, смысл никак не изменится. Это и понятно: чем абстрактнее изложен материал, тем больше разнородных фактов можно к нему отнести. Очевидно, что такой подход совершенно не работает при рассмотрении юридической науки. Так называемая юридическая наука слишком разнородна, чтобы говорить о ней как о едином целом. Дистанция между теоретико-историческими, отраслевыми и специальными дисциплинами слишком велика. Так, криминология традиционно и в Европе, и в России располагается где-то рядом с уголовным правом, а между тем общего между ними мало, их объединяет только история.

Криминология создавалась во второй половине XIX в. юристами уголовно-правового профиля и социологами. И первые, и вторые, восприняв социологию в качестве универсальной методологии, попытались применить ее к феномену преступности. Как представляется, чтобы быть дельным криминологом, не обязательно быть специалистом в области уголовного права, и даже более того — иметь юридическое образование. Криминолог обязан владеть методами статистики и математического моделирования, что считать преступлением — об этом ему скажет государство в своих статистических отчетах. Это тем более так, что в разных странах одно и то же деяние может считаться или не считаться преступлением. Очень далеко от уголовного права и уголовного процесса расположена такая, казалось бы, уголовно-правовая дисциплина, как криминалистика. Последняя включает в себя два компонента: 1) способы расследования преступлений; 2) способы обнаружения и фиксации следов преступления. В первом случае от профессионала требуется талант «сыскаря», во втором — знание естественных наук и современной техники, а никак не знание Уголовного или Уголовно-процессуального кодексов.

Огромная дистанция наблюдается между отраслевой юридической наукой, с одной стороны, и теоретическими и историческими дисциплинами — с другой. Строго говоря, ядро юриспруденции, ее сущность, плоть и кровь — это отраслевые дисциплины. Они появляются много позднее юридической практики и призваны к решению трех основных задач: 1) изучение исторически сложившегося позитивного права; 2) приведение в систему юридических норм и конструкций с целью достижения наибольшей эффективности права; 3) подготовка юридических кадров (для практики и науки). Главный метод отраслевой науки — догматический, что, как правильно замечал евразиец Н.Н. Алексеев, позволяет отнести догматическую юриспруденцию к наукам о «словоговорении». Для сравнения: в богословской науке догматический метод — также главный, что в эпоху европейского средневековья определяло тесную связь и взаимное влияние юридических и богословских дисциплин. Р. Иеринг, а за ним С.А. Муромцев называли отраслевую юриспруденцию искусством, имея в виду, что юрист-догматик не изучает действительность, а создает нормы, выполняя заказ государственной власти. Юриста-догматика интересуют не социальные отношения, взятые сами по себе (как, скажем, социолога), а возможность их урегулирования с помощью права. Предмет его интереса — конструкция нормы права и их логическая непротиворечивость между собой. Истина в отраслевой науке — не адекватное отражение свойств вещей, а подтвержденная логика юридических фикций.

Очевидно, что философия права (метафизического вида), социология права, антропология права не имеют прямого отношения к отраслевой юридической науке. Знание (незнание) юридической догмы ни в коей мере не влияет на исследовательский потенциал названных трех дисциплин.

Особое положение занимает общая теория права. Она возникает в последней трети XIX в. по преимуществу в Германии и России с целью: 1) восполнить недостатки энциклопедии права и философии права; 2) на базе отраслевой юридической науки создать некую общую догматическую часть, годную для любой из них. Классический труд такого рода — «Общая теория права» Г.Ф. Шершеневича. Он включает в себя четыре компонента: исторический, философский, социологический, догматический. В дальнейшем (в советский и постсоветский периоды) такая структура сохранилась. Таким образом, связь общей теории права с отраслевой юридической наукой осуществляется благодаря одному компоненту — догматическому, остальные три эту связь скорее рушат, чем поддерживают. В советской «марксистско-ленинской общей теории государства и права» бытовал миф, перешедший в современные монографии и учебники: общая теория права является общетеоретической и методологической дисциплиной для отраслевой юридической науки. Данный миф имеет два истока. Во-первых, здесь видна поставленная еще Г.Ф. Шершеневичем цель о создании некоей общей догматической части, которая якобы позволит теоретико-правовой науке совершенствовать отраслевую догматику. Реализация данной идеи не состоялась. К моменту возникновения общей теории права отраслевая юридическая наука уже полностью сложилась (и в Германии, и в России), создав свой самодостаточный понятийный аппарат, свою методологию, и в услугах новой юридической науки не нуждалась. В настоящее время ситуация только усугубилась, взаимодействие догматической юриспруденции с общей теорией права напоминает дорогу с односторонним движением: теоретико-правовые исследования догматического характера нуждаются в отраслевой науке, а обратного интереса, как правило, нет. Во-вторых, советская власть увидела в общей теории права удобный механизм для накачки марксистской догмой отраслевой юридической науки, сделав ее своего рода комиссаром при них. Крах советского марксизма отраслевая юридическая наука восприняла как освобождение, а оставшийся категориальный и методологический аппарат теоретико-правовой науки — как ненужную схоластику.

С.В. Кодан, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного университета, д-р юрид. наук, заслуженный юрист РФ. Предмет юридического источниковедения в юриспруденции

Определение предметной области источниковедческого знания является важным вопросом для идентификации юридического источниковедения в пространстве юриспруденции. *Предмет юридического источниковедения — изучение и обобщение накопленных в юридической науке науковедческих, теоретических и методологических знаний об источниках познания государства и права как носителях информации о государственно-правовых процессах, институтах и других явлениях в юридической сфере жизнедеятельности общества.* Изучение подходов к пониманию источниковедения в социогуманитаристике и особенностей источниковедческих процессов в юриспруденции позволяет выделить пять составляющих элементов, относящихся к предмету юридического источниковедения.

Науковедческая составляющая связана с проблемами определения его координат в структуре юриспруденции — понимание предметной обособленности, места, функционального назначения юриспруденции во взаимосвязи со сферой социогуманитаристики. В данном контексте представляется важным использование и адаптация в юриспруденции большого массива источниковедческих наработок социально-гуманитарных наук теоретического и методологического характера.

Культурологическая составляющая опирается на проблематику культуры научной деятельности и рассмотрение проблем формирования и поддержания требований научного этоса в исследовательских вопросах, которые в юриспруденции как в общем плане, так и относительно работы с носителями государственно-правовой информации практически не рассматривались.

Историческая составляющая в предмете юридического источниковедения связана с изучением генезиса его развития от возникновения до современного состояния исследований в этой сфере, направлена на анализ и использование опыта изучения носителей информации в отечественной юриспруденции в различные периоды развития юридической науки с учетом факторов и акторов обособления источниковедческого знания.

Теоретическая составляющая направлена на проработку и обобщение на теоретическом уровне накопленных эмпирических знаний с созданием универсальных положений касательно понимания источниковедческих процессов в социогуманитаристике и юриспруденции с выводом их на проблемные пространства исследовательских практик и формулированием обобщенных теоретических представлений и терминологического понятийного аппарата.

Методологическая составляющая требует акцентирования внимания на формировании системы знаний как инструментария исследования на

уровне понимания процессов культурной памяти, значения научного наследия и преемственности в изучении государственно-правовой информации, а также методологических принципов, подходов, методов, методик и технологий исследования.

Междисциплинарная составляющая выступает как стиль мышления ученого, форма организации научного знания и направленности научной деятельности через понимание возможностей и привлечение источниковедческих знаний различных наук социально-гуманитарного профиля в исследовательское пространство юриспруденции.

Отмеченные проблемы свидетельствуют о необходимости их включения в предмет источниковедения как особой отрасли юридической науки.

Е.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, Юго-западный университет политологии и права (г. Чунцин, Китай). Методологический плюрализм в теоретико-правовой науке: история и современность

Проблемы гносеологии права — важная составляющая современной теоретико-правовой науки. Несмотря на то что содержание правового феномена представляется различно (как свобода, как социальный долг, как минимум морали, как приказ власти, как социальная ответственность, как разграничение интересов и т.п.), право признается социокультурным явлением, активно влияющим на общественную жизнь. Воздействие важнейшего социального регулятора на социум обусловлено его содержанием и степенью реализации в конкретно-исторических условиях. Современное доктринальное правопонимание не сводит его содержание к какой-либо одной шкале оценок и в этом смысле не противопоставляет материалистическое учение о праве идеалистическому, что было свойственно, например, советской правовой науке. В настоящее время право справедливо признается неотъемлемой частью культуры и рассматривается в системе ценностных координат. Данный вектор исследования был задан дореволюционной философией права (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой и др.).

Социокультурный контекст правовых исследований обусловлен природой социальных наук, к которым относится юриспруденция (диалогичность, плюрализм подходов), и природой правового феномена. Право есть социальное явление, важнейший социальный регулятор и одновременно требование нравственности. Взаимосвязь требований права, имеющих идеальный характер, и его реализация в общественных институтах определяется тем, что действующее право — это не только сфера бытия, но и часть сознания

общества, находящегося на определенной ступени своего развития. Право относится не только к сфере причинно-обусловленных явлений (политика, экономика), но и представляет собой продукт человеческого духа (этика, социология, психология и др.). Поэтому право многогранно: как явление социального мира, оно едино, как сфера духовной жизни человека — неоднородно. Оно не может быть единой системой установленных выводов из одного начала, применимой ко всем временам и народам: каждая историческая эпоха с необходимостью привносит свои требования, моральные нормы, обычаи, влияющие на правовые предписания конкретного общества. Право каждого народа имеет несколько уровней — к собственной системе права добавляются реципированные нормы (хорошо известна рецепция римского права на систему германского и русского законодательства). Отсюда — коллизии между «старым» и «новым» правом, между нормами «своего» и «чужого» законодательства. Тем не менее основная задача права в любом обществе — установление, закрепление и поддержание порядка, в связи с чем требуется установка формального критерия оценки поведения людей. Поскольку критерии юридических принципов относительны (усовершенствование человеческого общества или гармоничное развитие отдельной личности, нравственное начало индивида или осуществление материальных благ жизни человека, свобода и/или равенство всех лиц), то и правовые доктрины различны.

В фундаментальной юриспруденции к основным теориям права относят формально-догматическую школу, социологическое направление в праве, естественно-правовой подход с различными вариациями. Каждая доктрина обладает самостоятельной структурой, имеет логическое обоснование предписаний, по-своему раскрывает механизмы воздействия на поведение человека. Правовые концепции имеют различные ценностные ориентиры и не всегда совпадающих адресатов в обществе: формально-догматическая юриспруденция рассчитана главным образом на законодателя, социологическая концепция права — на правоприменителя, естественно-правовая теория отражает правосознание индивида и общества в целом. В исторической ретроспективе теории права временами сменяют друг друга. Так, в XIX в. юридический позитивизм вытеснил естественное право, а к началу XX в. последнее обрело новое понимание в доктрине «естественного права с изменяющимся содержанием». Однако основные положения концепций все же сохраняются и воплощаются в правовом порядке общества по мере их необходимости в данных условиях.

Исходя из этого, предлагается изучать теории права на равных началах: в методологическом

плане каждая политико-правовая теория *закономерна* (появилась в силу определенных обстоятельств и условий своего времени), *правомерна* (возникла как проявление свободного творчества и самостоятельных оценок мыслителя), *необходима* (решает актуальные проблемы государства и права конкретно-исторического общества). Практическое значение методологического плюрализма для фундаментальной юриспруденции заключается в возможности интерпретации содержания классических доктрин применительно к современным проблемам государства и права.

В.Г. Баев, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета, д-р юрид. наук, проф. Факторы, препятствующие освоению магистрантами курса «История и методология юридической науки», и пути их преодоления

Докладчик ведет у студентов-магистрантов Юридического института Тамбовского государственного университета курсы по философии права и истории и методологии юридической науки и считает вправе поделиться своим представлением о том, насколько магистранты способны постигать данные науки. Если право представить в виде солнечного светила нашей галактики, то все юридические дисциплины – планеты, вращающиеся вокруг него, а история и методология юридической науки – самая удаленная и потому трудно воспринимаемая дисциплина. Каковы причины этого? Неужели магистранты (уже взрослые студенты) не обладают должным инструментарием и компетенциями для понимания историко-методологической сущности юридической науки?

Как показывает наш опыт, далеко не все. Более половины соискателей магистерской степени не имеют юридического образования. Их первым образованием может быть агрономическое, техническое и даже медицинское. Представить себе предмет юридической науки, закономерности функционирования права и государства, их сущностные характеристики, а также саму материю права – его догму – для таких магистрантов трудно преодолимое препятствие. А постичь методологию юриспруденции (высший пилотаж любой науки) вообще невозможно. Отметим, что среди магистрантов после юридического бакалавриата также немного «продвинутых» студентов. И это ключевая точка напряжения для всех без исключения провинциальных юридических вузов, проблема, подлежащая решению на федеральном уровне.

Рассматриваемый здесь учебный курс формируется из двух разнородных дисциплин: истории и методологии, которые требуют разных подходов к изложению материала. С историей развития

юридической науки магистранты справляются относительно хорошо, хотя и она требует знания социальной истории и философии, основы которых закладываются в вузах всех направлений профессиональной подготовки. Сложнее со вторым блоком курса – методологией.

Как известно, в основе методологии юридической науки лежит философия, законы и категории которой всеобщие, универсальные и распространяются на все явления окружающего мира, включая государство и право. Причем законы и категории философии могут использоваться в изучении права непосредственно. Таким образом, философское знание становится основой для формирования как общенаучных методов, так и частных методов, свойственных юридическим наукам. Оно же есть базовая отрасль науки методологии.

Мы исходим из того, что законы и категории науки не изобретаются философами и теоретиками. Они (законы) объективно встроены в структурную ткань социальной реальности. Ученым остается лишь обнаружить их и описать. В процессе изучения мира люди зачастую используют те или иные методы познания, даже не догадываясь об их существовании. Сделанный вывод позволяет в преподавательской деятельности отойти от стандартной формы учебных занятий (лекции + практические занятия). В рамках установленной темы преподаватель предлагает магистрантам длинный ряд проблемных вопросов, рассуждения вокруг которых побуждают студенческую мысль самостоятельно прийти к должному ответу. Интерактивный речевой дискурс является собой не только способ оформления мысли, но и основу ее рождения. Ключевые моменты сделанных выводов записываются. Такой путь усвоения методологии юридической науки значительно облегчает восприятие дисциплины, способствует формированию целостного представления об изучаемом курсе.

Выводы к сказанному представляются двоякого рода:

организационно-нормативные, предполагающие возможность поступления в юридическую магистратуру только лицам со степенью бакалавра юриспруденции;

методико-методологические, обосновывающие необходимость введения по курсу «История и методология юридической науки» экзамена как формы отчетности; проведения учебных часов для магистрантов-заочников не на перегруженных установочных сессиях, а на платформе ZOOM в вечернее время. Последнее может обеспечить как увеличение часов для данного курса, так и последовательное усвоение его материала.

Н. В. Кроткова, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН, канд. юрид. наук. *История политических и правовых учений как наука*

История политических и правовых учений — одна из базовых дисциплин высшего юридического образования. В Европе она возникает примерно в XVII в., в России — с конца XVIII в., когда учреждается Московский университет. Названия этого курса были разные, но чаще — история философии права либо история политических учений. Наиболее известные дореволюционные курсы опубликовали юристы П. Г. Редкин, Б. Н. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич, Н. М. Коркунов, П. И. Новгородцев. В советский период один из первых и лучших учебников был подготовлен под редакцией С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. Самый крупный современный научный труд — «История политических и правовых учений» в пяти томах под редакцией В. С. Нерсесянца.

История политических и правовых учений как наука — тема многогранная, но остановиться хотелось бы на одном — проблеме ее научного статуса. Возьмем две известные классификации наук. Неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт разделили все науки на генерализирующие (номотетические) и индивидуализирующие (идеографические). Первые ищут закономерности явлений, вторые их описывают и подводят под них ценностные основания. Другая известная классификация принадлежит находившемуся под влиянием неокантианцев Г. Кельзену: есть науки нормативные (исследуют мир должного, используют нормативный метод) и каузальные (изучают мир сущего, используют метод причинности). Согласно первой классификации история политических и правовых учений — наука индивидуализирующая. В соответствии со второй — отчасти каузальная, отчасти нормативная. История политических и правовых учений — историческая дисциплина, она выбирает факты духовной истории человечества (персоналии, идеи, школы, направления), их описывает и анализирует. Набор имен, школ и направлений, избираемых автором для своего курса, — всегда субъективный, диктуемый ценностными и идеологическими предпочтениями. Так, весьма показательна классификация школ и направлений, предложенная Б. Н. Чичериным в его знаменитом пятитомном труде. Обращает внимание тот факт, что в своем огромном сочинении он не нашел места для русской политико-правовой мысли. С его точки зрения, она еще находится (а это уже вторая половина XIX в.) в младенческом состоянии и не может быть предметом изучения. Н. М. Коркунов так не считает и вводит соответствующие разделы. Отечественные дореволюционные курсы по большей

части европоцентричны, в советский период они разбавляются Россией (в основном это — революционеры, материалисты и социалисты) и густо насыщаются марксизмом-ленинизмом. Современные учебники стараются выдержать баланс между Западом, Востоком и Россией, разными школами и направлениями. Субъективизм также бьет в глаза, когда речь идет о трактовке персоналий, идей, школ и направлений. В нашей истории трактовка менялась несколько раз. Так, если работы советского периода восхваляют революционеров, то сейчас тенденция обратная.

Неокантианцы назвали бы историю политических и правовых учений индивидуализирующей наукой, но каков ее фактический статус, если в ней субъективизм (соотнесение факта с ценностью) возведен в принцип? Наука ли она, если субъективизм заложен в ее фундаменте? По сути, как сказал бы Гегель, история народа всегда есть его субъективный взгляд на свое прошлое. История зачастую предстает такой, какой ее хочет видеть народ, т. е. героической, блистательной, победоносной и т. п. В нашем случае история политико-правовой мысли предстает не как набор строго отобранных и объективно рассмотренных фактов, а в качестве проекции ценностного сознания ее авторов. Здесь уместно, опираясь на классификацию Г. Кельзена, отнести историю политических и правовых учений к наукам нормативным. Она нормативна не потому, что рассматриваемые ею идеи содержат идеи должного, а в силу нормативности ценностного сознания субъектов исторического исследования. История политико-правовой мысли какой-либо страны или исторической эпохи всегда есть некий срез духовности, пронизанной ценностными нормативами. В этом отношении политико-правовая мысль предстает не столько в качестве некоей объективной реальности, сколько ценностным сознанием, определяемым отчасти эмпирическими условиями жизни людей, отчасти их духовной традицией.

Таким образом, история политических и правовых учений, безусловно, — наука, но со своими, весьма существенными особенностями.

В. В. Ковалева, зав. кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала РГУП (г. Краснодар), канд. юрид. наук, доц. *Методология исследования правового регулирования в современной юридической науке*

Правовое регулирование как общетеоретическая категория с момента ее возникновения в середине XX в. в рамках советской юриспруденции постоянно находится в центре внимания отечественного правоведения. Следует отметить, что современный уровень развития юридической науки и практики формирует новые особенности

в исследовании данной категории, которые детерминированы, на наш взгляд, тремя основными причинами.

1. Особенности исследования правового регулирования непосредственно зависят от типа правопонимания. Правовое регулирование возникло и исследовалось в рамках методологического монизма советской юридической науки — юридического позитивизма. В современный период существуют различные концепции понимания права, которые по-иному рассматривают правовое регулирование. Например, в контексте научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, предложенной проф. В. В. Ершовым, дифференцируется правовое и индивидуальное регулирование, при этом ученый пишет, что «правовое регулирование правоотношений не является самодостаточным, эффективным и единственным регулятором; с объективной необходимостью требует его дополнения, в частности, индивидуальным регулированием сложившихся правоотношений»²⁴.

2. Многообразие методов, существующих в настоящее время. В качестве примера можно привести теоретико-игровой подход, методологический потенциал которого исследовал Д. А. Дегтярев: помимо собственно математического метода теоретико-игровой подход широко используется в контексте таких методов правового исследования, как правовой эксперимент, моделирование в правовой науке, логический метод, формализация как метод познания права, синергетика и системный подход. По его мнению, именно теория игр дает ответ на вопрос, какой вариант действий выберет человек с другими участниками отношений. В этом смысле, отмечает Д. А. Дегтярев, это прогностическая теория, весьма близкая по духу к юридическим наукам. Новые законы меняют поведение людей, и следует точно представлять, как именно повлияет конкретный законодательный акт на их действия. Такую возможность и дает теория игр, исходя из рациональности сторон²⁵. Появление нового подхода к исследованию не может оставить равнодушным ученого, вместе с тем формулировка «исходя из рациональности сторон» носит вероятностный характер, ввиду этого полагаем, что теоретико-игровой подход возможно использовать только в определенных рамках.

3. Использование законодателем новых подходов и средств регулирования, в частности риск-ориентированный подход, экспериментальный правовой режим, т.н. в современной юридической

литературе «умное регулирование»²⁶. Безусловно, инновационные подходы к регулированию правоотношений законодателем требуют внимательного и глубокого научного анализа, который еще предстоит сделать в целях совершенствования правового регулирования.

С. А. Денисов, доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), канд. юрид. наук. *Использование социологического подхода к праву в правовой науке*

Интегративно-плюралистический взгляд на право указывает на три основных направления его исследования. При аксиологическом подходе исследуются правовые идеалы. При позитивистском подходе изучается право, исходящее от государства. Социологический подход изучает нормы права, реализуемые на практике. Эти нормы могут исходить от общества или государства, быть писаными и неписаными. Правом здесь называются все нормы, регулирующие важнейшие общественные отношения. Объектом исследования при социологическом подходе являются также правоотношения и поведение субъектов, реализующих нормы права.

Социологический подход к праву следует рассматривать как особое направление научных исследований, имеющее свой предмет и методы познания. Как было отмечено, это научное направление исследований существует параллельно с аксиологическим подходом к праву и позитивизмом.

Каково значение этого научного направления исследования права? Оно преодолевает кабинетный стиль изучения права, отрыв науки от юридической жизни. При данном подходе выявляются механизмы как реализации права, так и нейтрализации (блокирования) норм. Такой подход особенно важен в странах, имитирующих модернизацию и использующих официальное право для создания себе позитивного имиджа. Наибольший отрыв права на бумаге и права в жизни чаще всего наблюдается в административном, конституционном и международном праве. Социологический подход гуманизирует взгляд на право. В отличие от позитивизма он ищет источники права в обществе, а не в государстве, которое производно от общества. Знание реально действующих норм права дает политикам возможность принимать научно обоснованные решения. В первую очередь это наука о сущем, а не наука о должном.

Социологический подход к праву имеет определенную специфику функций, выполняемых любой наукой. Реализация познавательной функции здесь сопряжена с рядом трудностей. Субъекты

²⁴ Ершов В. В. Указ. соч. С. 18.

²⁵ См.: Дегтярев Д. А. Теоретико-игровой подход в праве. М., 2016. С. 42.

²⁶ Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал рос. права. 2020. № 11. С. 14–29.

права часто не желают, чтобы их изучали. Социологический подход подчас обвиняют в том, что он оправдывает нормативный произвол, систематическое нарушение законов. Но это обвинение несправедливо. Выявление реально действующих в обществе норм позволяет эффективно бороться с ними, если они не устраивают какие-то политические силы. Социологический подход позволяет сбросить пелену тайности и рассказать обществу, как устроен мир. Только зная реальность правовой жизни, можно ответить на вопрос, что будет со страной и миром.

Социологический подход к праву опирается на знания, полученные из социологии права, юридической психологии, юридической антропологии и юридической политологии. На базе его использования рождаются новые междисциплинарные направления научного исследования: юридическая имиджология, конституционная девиантология, конституционная антропология.

Социологический подход к праву использует свои методы исследования, которые в большей степени носят эмпирический характер (наблюдение, кейс-стади). Изучение скрытых реальностей часто требует постановки гипотез. Поскольку выявление нормы права идет от правовой жизни, то большее применение здесь имеет индукция. Широко применяется здесь статистический подход, позволяющий определять степень распространенности в обществе той или иной нормы. Философской основой исследования является материализм, требующий изучать реальную жизнь, а не ее отражение в текстах законов. Социологический подход вырабатывает свою систему категорий, с помощью которых описывает правовую реальность, формулирует свое понятие права.

Итак, социологический подход есть важнейшее направление научных исследований наряду с аксиологическим и позитивистским подходами.

Г. Ф. Гараева, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала РГУП (г. Краснодар), д-р филос. наук, проф. *Противоречивая природа права и ее отражение в правовой науке*

Учитывая, что действующее право не успевает синхронно реагировать на изменяющиеся условия жизни людей, в результате чего демонстрирует свое несовершенство, а идеальные представления о праве не исчерпываются в силу безграничной деятельности человеческого духа, неудивительно, что правовая наука находится в неравновесном состоянии, а ученые разных эпох и поколений не единожды констатировали ее кризис.

Под воздействием внешних и внутренних факторов в обществе формируются новые потребности, которые не могут быть удовлетворены

достигнутым уровнем развития правовой науки, в результате чего формируется противоречие, требующее разрешения и перехода правовой науки на новый уровень. Катализатором формирования противоречия между новыми общественными потребностями и прежде достигнутым уровнем правовой науки чаще всего выступают социальные катаклизмы, системные кризисы, политические потрясения. Таким образом, правовая наука, откликаясь на кризисные состояния в обществе и развиваясь, вносит свою лепту в преодоление этих состояний. Результатом развития правовой науки становится приращение нового научного знания; появление новых понятий и категорий; углубление содержания уже существующей понятийно-категориальной системы; появление новых методологических подходов или обнаружение новых возможностей старой методологии; совершенствование механизма правотворчества, правоприменения; изменение предмета юридической науки; открытие новых закономерностей, новых оснований права и т.д.

Однако не всегда можно говорить о подлинном развитии правовой науки, ее прогрессивном поступательном движении к истине. Чаще всего речь идет не о развитии, сопряженном с более глубоким истинным пониманием права, а об изменившейся интерпретации научных проблем в соответствии со сложившейся политической системой и изменившимися социокультурными предпочтениями. Подобное явление можно объяснить не только персональным выбором субъектов правового познания, но и имманентно присущей правовой науке противоречивостью, вследствие чего становится возможным акцентировать внимание на одном из противоположных начал — идеальном или материальном, теоретическом или практическом, универсальном или релятивном, что в результате отдаляет исследователя от подлинно научного, истинного, целостного знания о праве и может закреплять искаженное представление о нем. Так, например, стремление поставить на первое место решение прикладной правовой проблемы с позиций прагматической выгоды или узконаправленного интереса без учета имманентно присущих праву свойств оказывает негативное воздействие на правовую науку, т.к. механизм взаимосвязи теории и практики в правовой сфере такой, что деформации одного уровня с неизбежностью порождают деформации другого уровня. Не случайно Г. Радбрух предупреждал об опасности следовать только целесообразности, несущей в себе большой заряд релятивизма и субъективизма, в ущерб, например, справедливости, также составляющей содержание права.

Принимая во внимание, что человеческая жизнь и ее организация в современном мире неуклонно усложняются, также усложняются и дифференцируются взгляды на сущность права, что, в свою

очередь, обостряет проблему признания базовых концептов в правовой науке, систему единой оценки, выработку приемлемой научным сообществом парадигмы. В свете указанной тенденции особое значение приобретает человекоцентристский, цивилизационный подход к праву, позволяющий исследователю изначально видеть право в свете его социальной и личностной ценности, неотделимой от человека как адресата правовой нормы.

С.А. Колунтаев, доцент кафедры истории права и государства РГУП, канд. ист. наук. *Исторический метод исследований истории российского права и государства*

Историзм выступает как всеобщий философский, науковедческий принцип. Корни и природу исторического метода как способа познания окружающей действительности необходимо искать в процессе биосоциогенеза человека. Именно опыт предков становился основой организации жизни человеческих общностей и появления первых регуляторов общественных отношений. Вместе с тем если вести речь о научном познании, то исторический метод как способ познания государственно-правовых явлений известен еще с античных времен. Не опускаясь по линии времени до гомеровских времен (хотя следы его имеются и на уровне мифологической стадии познания), можно вспомнить подходы Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона и других мыслителей к изучению различных форм государства и их исторической обусловленности. Античное наследие было востребовано и в Средневековье, и в Новое время. Становление научной юриспруденции было также связано прежде всего с историческим подходом.

Отказ от исторического подхода, уничтожение его происходит с завидной периодичностью на различных этапах эволюции человечества и в условиях господства разных методологических подходов. В частности, в эпоху Средневековья это господство религиозного мировоззрения, когда священная история вытеснила на «обочину» общественного сознания реальное историческое познание. В раннее Новое время — период господства естественно-правовой доктрины и увлечения метафизикой, также не оставляла места для исторического анализа и самопознания и усвоения исторического опыта. Позднее Новое время — позитивистские концепции, диалектический подход, время выстраивания упрощенных схем исторического процесса, историческую науку то признают, то не признают, но больше используют в политическом противоборстве, частью она варится в собственном соку, изобретая новые подходы к осмыслению исторического прошлого.

Ныне при всех громогласных заявлениях о почтении к историческому прошлому на самом деле мы видим далеко не приоритетное отношение

к действительному историческому познанию, мы опять в поиске единственно правильного подхода, который заменит все предыдущее, но этого не произойдет, нас ждут новые «грабли». Исторический подход к исследованию государственно-правовых явлений, причем не только в рамках историко-правовой науки, — это не благое пожелание, а необходимость. Речь не идет об абсолютизации данного подхода, но и без него полноценного изучения общественных явлений не получится.

Исторический метод — один из основных при исследовании юридических явлений, полное представление о которых можно получить, если проследить эволюцию их от момента возникновения через все этапы их развития до исчезновения, прекращения, преобразования в иное явление либо до того момента, когда его стали изучать. Это как раз и есть требования данного метода. Классический подход был сформулирован в рамках марксистской парадигмы В.И. Лениным в 1919 г. в лекции «О государстве».

На уровне специальных методов, применяемых непосредственно при проведении исследования тех или иных явлений, мы видим преломление этого принципа историзма через общенаучные методы, которые и приводят к выделению ряда специальных и частнонаучных методов.

Если рассматривать исторический метод как родовую способ познания, то можно выделить его различные виды. К числу этих методов можно отнести: сравнительно-исторический — выявление общего и особенного в истории; сравнительно-сопоставительный — сопоставление исторических объектов в пространстве и времени; историко-типологический — классификация исторических явлений и событий; историко-генетический; историко-сравнительный с установлением взаимовлияния; хронологический (проблемно-хронологический); экстраполяционный; историко-системный; структурный; факторный подход; контент-анализ; периодизации (диахронный); синхронный — изучение исторических событий, происходящих в одно и то же время, но в разных местах; идеографический (описательно-повествовательный); исторической реконструкции; ретроспективный — последовательное проникновение в прошлое с целью выявления причин событий и т.д.

А.М. Кальяк, судья Арбитражного суда Новосибирской области, доцент Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, канд. юрид. наук, доц. *Иерархия образовательного законодательства: отдельные проблемы построения*

В последние десятилетия получил распространение «цивилистический» подход, который предлагает рассматривать получение образования как образовательную услугу, а следовательно, правовое регулирование этой сферы общественных

отношений включается в систему гражданского законодательства²⁷. Стоит также отметить аморфность представлений о роли и значении образования для развития государства и общества в официальных документах.

Как представляется, современная иерархия источников образовательного права (с учетом вышеуказанного) формально может быть разделена на следующие уровни.

1. *Международно-правовой.* Изначально заданный вектор при принятии Конституции РФ 1993 г. — единство правовой системы как сочетание международного и внутринационального правопорядков. Отсюда приоритет не только международных соглашений Российской Федерации, но и общепризнанных принципов международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Однако в дальнейшем отстаивание геополитических интересов привело страну к разногласиям с западноевропейскими странами (которые являются основными организаторами международно-правовых институтов), что отразилось и на восприятии принципа верховенства международного права над внутринациональным — если это не противоречит основам внутринационального права (в частности, гл. 13.1 и 13.2 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»²⁸).

2. *Федеральный внутрисоциальный уровень.* Можно сказать, что роль образования в системе конституционных прав и свобод человека прижата. Положения, посвященные образованию, в главе Конституции РФ о правах и свободах человека появляются лишь в специальной ст. 43. В других главах Конституции образование упоминается в контексте разграничения предметов ведения и полномочий федеральных и региональных органов (согласно ст. 72 оно отнесено к вопросам совпадающей компетенции), а также как одно из полномочий Правительства РФ (согласно п. «в» ст. 114 Правительство РФ обеспечивает проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области образования).

3. *Внутрисоциальные источники регионального уровня.* Образовательное законодательство Конституцией РФ отнесено к сфере совместного ведения (п. «е» ч. 1 ст. 72), а распределение полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Как отмечается, это нетипичное

разграничение компетенции между федерацией и субъектами Российской Федерации: в отличие от других предметов совместного ведения, в образовании управленческие функции между федерацией и ее субъектами объективно разделяются по уровням образования. Правовое регулирование высшего образования относится исключительно к ведению Российской Федерации. И хотя в ведении субъектов Российской Федерации и муниципальных образований также могут находиться образовательные учреждения высшего профессионального образования, правовую регламентацию их деятельности осуществляет федерация²⁹.

4. *Муниципальный уровень правового регулирования образования.* Наличие данных нормативных правовых актов прямо вытекает из полномочий муниципальных органов в области образования (ст. 9 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Как представляется, анализ, направленный на выявление несоответствий источников двух последних уровней более высоким по юридической силе актам, должен являться предметом самостоятельного исследования.

В.Н. Власенко, заместитель зав. кафедрой земельного и экологического права РГУП, канд. юрид. наук. Экологическое образование в конституционном измерении

До недавнего времени основу правового института экологического образования и формирования экологической культуры составляли в достаточной степени декларативные нормы, содержащиеся в гл. XIII «Основы формирования экологической культуры» Федерального закона «Об охране окружающей среды»³⁰, в Конституции РФ понятия «экологическое образование» и «экологическая культура» не упоминались. Между тем Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»³¹ скорректировал и расширил некоторые нормы Конституции, устанавливающие основы эколого-правового регулирования в стране. В частности, речь идет о п. «е» ст. 71 и ст. 114, где говорится о **системе экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.**

Позитивно оценивая расширение «экологизации» конституционных норм, подчеркивание необходимости развития именно системы

²⁷ См., напр.: *Кванина В.В.* Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

²⁸ См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

²⁹ См.: *Барбанова С.В.* Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova_03.php

³⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

³¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

экологического образования и воспитания для достижения устойчивого, сбалансированного развития страны в акте высшей юридической силы, отметим, что выбранная формулировка вызывает определенные сомнения. В частности, во-первых, слово «создать» означает «произвести», «основать», имеет определенный эффект однократности, не долговременности, и при буквальном толковании данной формулировки полномочия может возникнуть впечатление, что достаточно один-два раза вложиться в создание условий для развития экологического образования и воспитания экологической культуры или, что бывает чаще — «создать видимость вклада», зафиксировать промежуточные статистические положительные результаты, а далее поддерживать и обеспечивать на постоянной основе данное развитие уже вроде как и не требуется, возможно это возложить на другие органы государственной власти (федеральные и региональные), муниципальные образования, представителей педагогической общественности и т.д. Всеобщность, непрерывность и комплексность экологического образования не должна реализовываться только на основе труда и преданности делу волонтеров от образования, науки, экологии, необходима единая системная государственная (федеральная, региональная и местная) четко закреплённая, логически стройная деятельность в области эколого-правового просвещения, воспитания и образования³².

Во-вторых, принятие формулировки именно о создании (изначальном основании, по сути) условий для развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры косвенно свидетельствует о признании того факта, что на данный момент условия для развития и реализации в стране системы экологического образования, воспитания экологической культуры только предстоит создать.

Создавая условия для развития системы экологического образования граждан, Правительству РФ с обязательным привлечением научной общественности в первую очередь необходимо разработать стратегию всеобщего комплексного экологического образования, просвещения и формирования экологической культуры населения на основе идей устойчивого развития, предполагающую создание и распространение новейших форм и методов эколого-образовательной деятельности и организационно-правового механизма внедрения данных форм и методов на всех уровнях общего (дошкольное, начальное, основное общее,

среднее общее) и профессионального (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации) образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н.* К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки ВИЮН. М., 1946. Вып. 6. С. 61, 62.
2. *Александров Н. Г.* Социалистические принципы советского права // Сов. государство и право. 1957. № 11. С. 17.
3. *Александров Н. Г.* Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 5, 6, 7. Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на научной сессии института 6 мая 1946 г. / под ред. И. Т. Голякова.
4. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102.
5. *Байтин М. И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд., доп. М., 2005.
6. *Барabanова С. В.* Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova_03.php
7. *Боголюбов С. А.* Актуальные проблемы экологического права. М., 2016. С. 265–298.
8. *Бэкон Ф.* О принципах и началах. М., 1937. С. 22.
9. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / пер. с англ. Л. Добросельского. М., 2010. С. 62.
10. *Давыдова М. Л.* «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал рос. права. 2020. № 11. С. 14–29.
11. *Дегтярев Д. А.* Теоретико-игровой подход в праве. М., 2016. С. 42.
12. *Ершов В. В.* Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 18.
13. *Кванина В. В.* Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
14. Концептуализация и смысл: сб. науч. тр. / отв. ред. И. В. Поляков. Новосибирск, 1990. С. 26.
15. *Кроткова Н. В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

³² См. подробнее о проблемах организации экологического образования: *Боголюбов С. А.* Актуальные проблемы экологического права. М., 2016. С. 265–298; *Хлуденева Н. И.* Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал рос. права. 2016. № 12. С. 151.

16. Лукашева Е.А. Принципы социалистического права // Сов. государство и право. 1970. № 6. С. 21.
17. Рыбаков О.Ю. Философия права: учеб. для магистров. М., 2021. С. 6.
18. Серков П.П. Правоотношение. Теория и практика современного правового регулирования. М., 2018. С. 53.
19. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 180, 186.
20. Тарановский Ф.В. Учение о естественном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 3. С. 1–16.
21. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 569.
22. Хлуденева Н.И. Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал рос. права. 2016. № 12. С. 151.
23. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 38.
24. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 2000. С. 188.
25. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 91–413, 332–381.
26. Шершеневич Г.Ф. История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 9.
27. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 15.
28. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А. Погоняйло. М., 2006. С. 72.
29. Aarnio A. Paradigms in Legal Dogmatics // Theory of Legal Science. Proceedings of the Conference on Legal Theory and Philosophy of Science. Lund, Sweden, December 11–14, 1983. Dordrecht, 1983. P. 25–38.
30. Hohfeld W.N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale, 1964.
4. Alekseev S.S. Problems of the theory of law. The main issues of the general theory of socialist law: course of lectures: in 2 vols. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. P. 102 (in Russ.).
5. Baitin M.I. The essence of law. Modern normative legal understanding for the past two centuries. 2nd ed., add. M., 2005 (in Russ.).
6. Barabanova S.V. State regulation of higher education in the Russian Federation: administrative and legal issues. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova_03.php (in Russ.)
7. Bogolyubov S.A. Actual problems of Environmental Law. M., 2016. P. 265–298 (in Russ.).
8. Bacon F. On principles and principles. M., 1937. P. 22 (in Russ.).
9. Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise / transl. from English L. Dobroselsky. M., 2010. P. 62 (in Russ.).
10. Davydova M.L. “Smart regulation” as a basis for improving modern law-making // Russ. Journal of Russ. law. 2020. No. 11. P. 14–29 (in Russ.).
11. Degtyarev D.A. Game-theoretic approach to the law. M., 2016. P. 42 (in Russ.).
12. Ershov V.V. Regulation of legal relations. M., 2020. P. 18 (in Russ.).
13. Kvanina V.V. Civil-legal regulation in the sphere of higher professional education in the Russian Federation: diss. ... Doctor of Law. M., 2006 (in Russ.).
14. Conceptualization and meaning: collection of proceedings / ed. by I.V. Polyakov. Novosibirsk, 1990. P. 26 (in Russ.).
15. Krotkova N.V. History and methodology of legal science (The “Round Table” of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow state University and the journal “State and Law”) // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
16. Lukashева E.A. Principles of socialist law // Soviet State and Law. 1970. No. 6. P. 21 (in Russ.).
17. Rybakov O. Yu. Philosophy of Law: textbook for masters. M., 2021. P. 6 (in Russ.).
18. Serkov P.P. Legal relationship. Theory and practice of modern legal regulation. M., 2018. P. 53 (in Russ.).
19. Taranovsky F.V. Textbook of the Encyclopedia of law. Yuryev, 1917. P. 180, 186 (in Russ.).
20. Taranovsky F.V. The doctrine of natural law // Journal of the Ministry of Justice. 1916. No. 3. P. 1–16 (in Russ.).
21. Tikhomirov L.A. Monarchical statehood. M., 1998. P. 569 (in Russ.).
22. Khludeneva N.I. Regulatory function of Environmental Law: problems of implementation // Journal of Russ. law. 2016. No. 12. P. 151 (in Russ.).

REFERENCES

1. Alexandrov N. On the question of the role of the contract in the legal regulation of public relations // Scientific notes of the All-Union Institute of legal Sciences. M., 1946. Vol. 6. P. 61, 62 (in Russ.).
2. Alexandrov N.G. Socialist principles of Soviet law // Soviet State and Law. 1957. No. 11. P. 17 (in Russ.).
3. Alexandrov N.G. Legal norm and legal relationship. M., 1947. P. 5, 6, 7. A shortened transcript of the report read at the scientific session of the Institute on May 6, 1946 / ed. by I.T. Golyakov (in Russ.).

23. *Cherdantsev A.F.* Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. M., 2012. P. 38 (in Russ.).
24. *Cherdantsev A.F.* Theory of state and law. M., 2000. P. 188 (in Russ.).
25. *Shershenevich G.F.* Selected works: in 6 vols. Vol. 4, including the General theory of law / introductory speech, comp. P.V. Krashennnikov. M., 2016. P. 91–413, 332–381 (in Russ.).
26. *Shershenevich G.F.* History of the Philosophy of Law. 2nd ed. SPb., 1907. P. 9 (in Russ.).
27. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law (according to the 1907 ed.). M., 1995. P. 15 (in Russ.).
28. *Eco U.* Missing structure. Introduction to semiology / transl. from Italian by V.G. Reznik and A. Pogonyailo. M., 2006. P. 72 (in Russ.).
29. *Aarnio A.* Paradigms in Legal Dogmatics // Theory of Legal Science. Proceedings of the Conference on Legal Theory and Philosophy of Science. Lund, Sweden, December 11–14, 1983. Dordrecht, 1983. P. 25–38.
30. *Hohfeld W.N.* Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale, 1964.

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. – PhD in Law, leading researcher, sector of Constitutional Law and constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia